

Творческий метод цикла таков: приезжает бригада всегда разных людей и за три дня снимает фильм. Два дня съёмки, третьи сутки — монтаж. Получается моментальный снимок территории, всегда очень интересный. Фильм о Кишерти получился одним из самых длинных — рассказать тут есть о чём, а звуковым контрапунктом кино стал стук колёс: железная дорога — это то, что держит Кишертю на плаву уже второй век.

Кстати, железнодорожная станция — памятник архитектуры стиля модерн. Такие вокзалы были типовыми, их много где построили, а в хорошем состоянии их к настоящему времени осталось совсем немного. Всё дело в том, что кишертцам денег на евроремонт не давали, поэтому всё почти в первозданном виде и сохранилось — с «родными» окнами, дверями, печью и шестигранной напольной плиткой, которая теперь смотрится очень стильно.

Каждый кишертец вам расскажет, что Транссибирская железная дорога в начале XX века здесь прошла не про-

сто так, а благодаря купцу Петру Ковину, владельцу канатно-верёвочной фабрики в деревне Низкое. Он активно об этом хлопотал. Впрочем, суксунские и Молёбские деловые круги также интриговали. А исход дела решила взятка. Так, по крайней мере, пишут некоторые краеведческие источники. Причём

уцелел, а Петра Ковина убили в подвале волостного правления, где теперь располагается Сбербанк. Вот такое «эхо» трагедии Романовых произошло в Усть-Кишерти.

Канатно-верёвочная фабрика Ковина проработала вплоть до середины 1990-х годов. Продукция шла даже на

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА — ЭТО ТО, ЧТО ДЕРЖИТ КИШЕРТЬ НА ПЛАВУ УЖЕ ВТОРОЙ ВЕК

искусство взятки не в её размере, а в том, чтобы определить, кому её дать. Суксун и Молёбка сосредоточились на губернской власти, а Ковин поехал в Санкт-Петербург и выиграл дело.

Сам Пётр Ковин был расстрелян в 1918 году. Он очень хорошо относился к работникам своей фабрики и потому был уверен, что его не тронут. «Я никому ничего плохого не сделал», — говорил он. Его действительно очень любили и уважали: в ночь перед казнью к нему приехал милиционер и сообщил, что завтра его убьют, просил бежать. Один из его сыновей послушал совета и

экспорт. Что сейчас в здании фабрики в деревне Низкое — неизвестно, ворота закрыты наглухо, только чёрный джип в ограде символизирует, что какая-то жизнь там ещё теплится, но уж точно не производственная. В деревне этой очень много разрушенных домов, включая столовую и школу. Там живут теперь в основном дачники и жертвы «чёрных риелторов».

В центре Молёбки, проигравшей железнодорожную битву, тоже разрушенная школа. Только не деревянная, а кирпичная, и это производит ещё более гнетущее впечатление.